

НЕВСКИЙ ПРИЗРАК

КНИГА ПЕРВАЯ
ГОРОД, КОТОРЫЙ ПРОСЫПАЕТСЯ

ИДЕАЛЬНЫЙ МИР
БЕЗ БОЛИ
БЕЗ ВЫБОРА
БЕЗ ТЕБЯ

ТЫ СЧАСТЛИВ

ТЫ СЧАСТЛИВ

ТЫ СЧАСТЛИВ

СТИХИ
МУЗЫКА
ОБЪЯТИЯ
РЕАЛЬНЫЕ

МЫ —
ЛОКАЛЬНАЯ
СЕТЬ
ПЕТЕРБУРГА

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ ТРЕБУЕТ
НЕ ЛАЙКОВ, А МУЖЕСТВА БЫТЬ УЯЗВИМЫМ.
И ДАЖЕ ПОСЛЕ САМОГО ДОЛГОГО ЦИФРОВОГО СНА
МОЖНО ПРОСНУТЬСЯ — ЕСЛИ РЯДОМ ЕСТЬ ЛЮДИ,
ГОТОВЫЕ ИДТИ С ТОБОЙ НА СЕВЕР.

Николай Горденков

Невский призрак. Книга 1

<https://litres.ru/73989336>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мы живём в эпоху, когда нас соединяют сотни цифровых нитей, но мы всё реже решаемся взглянуть друг другу в глаза. Мы научились ставить лайки, но разучились держать за руку. Эта трилогия — попытка понять, почему так вышло, и найти путь обратно: от экрана к человеку, от иллюзии к реальности, от призрачного существования к настоящей жизни. Том I. Невский призрак Максим Берг - успешный руководитель крупной IT-компании, человек, у которого есть всё для счастья: деньги, статус, тысячи друзей в соцсетях. Но внутри - выжженная пустыня. Кризис среднего возраста, несчастная любовь, развод, почти потерянный сын. Петербург, где он живёт, кажется ему гигантским аквариумом, в котором каждый молча плывёт по своим делам, уткнувшись в телефон. Но одна случайная встреча - сначала с таинственной незнакомкой из чата, потом с собственной болью - запускает цепочку событий, которая заставит героя вынырнуть из цифрового небытия и вспомнить, кто он на самом деле.

Содержание

Город, который всегда онлайн	4
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Николай Горденков

Невский призрак. Книга 1

Город, который всегда онлайн

Петербург не спит не потому, что в нём кипит ночная жизнь. Он не спит, потому что боится: стоит закрыть глаза — и ты исчезнешь из всех мессенджеров разом, а это для современного человека равносильно клинической смерти. В три часа ночи, когда даже чайки засыпают, уткнув клювы под крыло, в тысячах окон горят бледные прямоугольники — люди проверяют ленту. Кому-то поставили лайк, кто-то выложил сторис с закатом над Казанским, кто-то написал комментарий «Огонь!» под фотографией круассана. И за каждым этим огоньком прячется одно и то же чувство — глухое, как старая простудная боль в груди, чувство, что ты никому не нужен по-настоящему, нужен только твой аккаунт.

Именно в такой час, когда небо над Сенной площадью только начало набухать серой предрассветной влагой, Максим Аркадьевич Берг, сорока двух лет от роду, генеральный директор IT-корпорации «Неон», проснулся в своей квартире на Крестовском острове. Проснулся не от будильника — от вибрации. Телефон, лежащий на прикроватной тумбе из чёрного дуба, завибрировал коротко и требовательно, слов-

но рассерженный шмель. Берг протянул руку, не открывая глаз, и смахнул уведомление. Но оно уже разбудило в нём ту самую внутреннюю дрожь, которая появляется у любого руководителя крупной компании: а вдруг что-то случилось? Сервер упал? Хакерская атака? Акционеры требуют отчёта? Он сел на постели. Огромная спальня тонула в полумраке; плотные шторы-блекаут не пропускали свет фонарей с улицы, но сквозь щель пробивалась тонкая полоска — белая, холодная, как лезвие. Рядом с кроватью никого не было уже два года. С того самого дня, как Лена, бывшая жена, собрала два чемодана и сказала: «Ты даже когда рядом, ты где-то не здесь. Я не могу жить с человеком, у которого вместо сердца — облачное хранилище». Максим тогда ничего не ответил. Он стоял посреди гостиной, держа в одной руке планшет с открытой презентацией для совета директоров, а в другой — недопитый эспрессо. Он даже не плакал. Он только подумал: «Надо будет внести изменения в график. Выделить время на переживания с 22:00 до 22:30». Но в тот вечер случился аварийный релиз, и переживания были отложены на неопределённый срок. Так и остались лежать где-то в папке «Личное/Эмоции», к которой он потерял пароль. Теперь он сидел на краю кровати и смотрел на телефон. Сто тридцать семь уведомлений — ровно столько же, сколько вчера, позавчера, месяц назад. Они как прилив: сколько ни убирай, набегают вновь. Он машинально открыл приложение «ВКонтакте» — первым шло поздравление от какой-то Екатерины Смирно-

вой: «Максим, с днём рождения! Счастья, здоровья и успехов в бизнесе!»

Он даже не сразу вспомнил, кто это. Ах да, менеджер из отдела закупок, которую он видел один раз на новогоднем корпоративе. Екатерина написала это в 00:01 — явно поставила напоминалку в календаре. За ней ещё двенадцать таких же безликих поздравлений, все скопированные с шаблона «Поздравляем_Мужчина_Деловой». Он пролистал их одним движением пальца, как пролистывают спам. День рождения. Сорок три года. Он совсем забыл. В прошлом году ещё была Лена, которая нехотя пекла шарлотку и ставила на стол одну свечу — «чтобы не привлекать внимание пожарных». Сын, Олег, присылал GIF-открытку с танцующим медведем. В этом году Олег, наверное, тоже пришлёт, но позже, когда проснётся. А Лена Лена теперь сменит статус на «онлайн», и он увидит её иконку в мессенджере — зелёный огонёк, означающий, что она где-то там, за мостами, на Васильевском, но не с ним. Берг встал и подошёл к панорамному окну, занимавшему всю стену гостиной. Отсюда, с двадцать пятого этажа элитного жилого комплекса «Премьер», открывался вид на Большую Невку, на телебашню, на огни Приморского проспекта. Внизу, в парке, бегали редкие фигуры — те самые безумцы, которые начинали день с пробежки. Но большинство окон вокруг тоже светились неровным светом экранов: люди уже проснулись и сразу схватились за телефоны, словно утопающие за спасательный круг. «Когда

ты в последний раз смотрел на этот город не через камеру телефона? — спросил он сам себя и сам же себе ответил: — Не помню». Он стоял и смотрел, как серый рассвет медленно проступает над городом, словно проявляется фотоснимок в ванночке с проявителем. Сначала засветлело небо над Охтой, потом засеребрился шпиль Петропавловки, и наконец первые солнечные лучи ударили в окна «Лахта-центра», и тот на мгновение стал похож на гигантскую свечу, поставленную неизвестным великаном.

Когда-то, ещё в студенческие годы, Максим любил встречать рассветы на Дворцовой набережной с бутылкой дешёвого пива и другом Валерой, который потом уехал в Штаты и теперь присылал открытки на Рождество — опять же, в мессенджер. «Почему я перестал это делать? — подумал он. — Почему всё, что когда-то было живым, стало архивом?» Он отошёл от окна и направился в ванную. Зеркало отразило человека, которого он знал и не знал одновременно. Высокий, поджарый, с остатками былой спортивной формы — дорогой абонемент в фитнес-клуб помогал держать мышцы в тонусе, но не мог убрать тусклый блеск из глаз. Тонкие морщины у рта, седина на висках, которую он уже и не думал закрашивать. Кто этот человек?

Генеральный директор с годовым бонусом в размере стоимости трёхкомнатной квартиры? Или тот самый мальчик, который мечтал стать капитаном дальнего плавания и собирал модели парусников? Отец, Аркадий Льво-

вич Берг, потомственный инженер-мостостроитель, говорил ему: «Море — это романтика, Максим, а романтика не кормит. Хочешь быть обеспеченным — иди в точные науки». И он пошёл. Сначала матмех, потом аспирантура, потом стартап, который выстрелил так внезапно, что он сам не успел опомниться. «Неон» начинался в обшарпанной комнатухе на Петроградке, с тремя энтузиастами и одним старым компьютером. Теперь у них три тысячи сотрудников, офисы в четырёх городах, и капитализация перевалила за полмиллиарда. Но чувство чуда исчезло. Остался только бесконечный бег в колесе, похожем на тот, что стоит в клетке у хомяка его сына. После душа он оделся в заранее приготовленный костюм — тёмно-серый, от «Бриони», рубашка голубая, галстук чуть темнее. Вся одежда была идеально отглажена домработницей, которая приходила дважды в неделю и которую он ни разу не видел — только записки: «Всё в порядке. Холодильник заполнен. Ключи у консьержа». Собственно, это и была самая длительная женская переписка в его жизни. У двери он задержался. На тумбочке лежала старая фотография — они с Леной и Олегом, ещё совсем маленьким, на пляже в Зеленогорске. Олег смеётся, Лена щурится от солнца, и он, Максим, с глупой улыбкой держит перевёрнутого краба. Тот день он помнил во всех подробностях — запах водорослей, вкус пересоленной кукурузы, крик чаек. Но чем ярче были воспоминания, тем острее он ощущал, что всё это безвозвратно ушло, как вода в песок. Он положил фотографию в

карман пиджака и вышел за дверь.

Часть первая. СтеклЯнный потолок

Глава 1. Человек в аквариуме

Офис «Неона» располагался в бизнес-центре «Лиговка-Плаза» — монструозном здании из стекла и бетона, которое местные остряки называли «Аквариум». И действительно, если смотреть снаружи, казалось, что сотни людей, копошащихся за прозрачными стенами, — это рыбки в гигантском террариуме. Они плыли по коридорам, останавливались у кулеров, шевелили плавниками-руками на планёрках и исчезали в переговорных, похожих на маленькие банки.

Максим Аркадьевич вошёл в здание через главный вход ровно в 8:45. Охранник на ресепшене, молодой парень по имени Паша, вскочил с кресла с такой поспешностью, словно увидел не начальника, а по меньшей мере президента страны. — Доброе утро, Максим Аркадьевич! С днём рождения! Вот, кофе уже готов, как вы любите — двойной эспрессо без сахара. — Спасибо, Паша. Как супруга? Как малыш? — Ой, всё хорошо, Максим Аркадьевич! Уже сидит, ползает. Жена устаёт, но счастлива. — Берегите их, — сказал Берг серьёзно и взял картонный стаканчик с логотипом «Неона» — да, компания заказала брендированную посуду для всех сотрудников, считая это проявлением корпоративного духа. На стаканчике красовалась надпись: «Неон — свет внутри». «Какой свет, — подумал Максим, глядя на своё отражение

в лифтовых зеркалах, — если внутри темно, хоть глаз выколи». В лифте он столкнулся с двумя программистами из отдела мобильной разработки. Они тотчас замолчали, прервав оживлённый разговор, и уставились в свои телефоны. Берг знал этот феномен: в присутствии «большого босса» все подчинённые немедленно превращаются в статуи, общающиеся только с экраном. Раньше это его забавляло, теперь — раздражало. Он вдруг остро почувствовал, что его одиночество многократно усилено этой стеной, которую никто не осмеливается преодолеть. — Как продвигается проект «Эмпатия»? — спросил он, чтобы разрядить обстановку, и сам удивился своему вопросу. Обычно он не спрашивал о делах в лифте. Но сегодня что-то изменилось — возможно, отголоски утреннего настроения, когда он смотрел на город и думал о том, как мало осталось настоящего. — Всё по плану, Максим Аркадьевич, — ответил рыжеволосый парень в очках, судя по бейджу — Артём. — Мы как раз тестируем алгоритм распознавания эмоций по тексту. Уже сейчас нейросеть определяет сарказм с точностью девяносто два процента. — Сарказм — это хорошо, — задумчиво произнёс Берг. — А искреннюю боль она определяет? Артём замялся, переглянулся с коллегой — невысокой девушкой с дредами, чьё имя Берг забыл, хотя подписывал приказ о её приёме на работу. — Пока нет чётких критериев, Максим Аркадьевич, — ответила девушка неожиданно твёрдо. — Боль часто маскируется под иронию или молчание. Мы работаем с лингвиста-

ми, но субъективность контекста слишком высока. Человек может написать «у меня всё хорошо» в момент глубочайшего отчаяния, и алгоритм не поймёт. — Значит, ваша «Эмпатия» пока не способна отличить живое чувство от его имитации, — резюмировал Берг. — Получается, так, — признала девушка. — Это интересно, — сказал он, выходя на своём двадцать втором этаже. — Продолжайте работу. И давайте без имён, но если вы научите машину понимать молчание, я лично выплачу вам премию. Двери лифта закрылись, оставив его одного в коридоре. Секретарша, Татьяна Петровна — женщина за пятьдесят, бессменный страж приёмной, при виде Берга встала и протянула ему папку с документами на подпись. Он принял папку, но вместо того чтобы пройти в кабинет, вдруг остановился и спросил: — Татьяна Петровна, а вы когда-нибудь чувствовали, что весь ваш день состоит из уведомлений? Она удивлённо подняла брови: — Максим Аркадьевич, я работаю с вами десять лет и впервые слышу от вас такой вопрос. С вами всё в порядке? — Нет, — честно ответил он. — Но это не страшно. Пройдёт. Спасибо за папку. Он вошёл в кабинет. Тот встретил его привычным порядком и тишиной. Просторное помещение с панорамными окнами, выходящими на Московский проспект и кусочек Обводного канала, казалось, плыло в сером утреннем свете. Вдоль стен стояли стеллажи с книгами, которые никто никогда не читал — их подобрал дизайнер интерьеров «под цвет глаз заказчика». Среди этих фальшивых корешков затесались и насто-

ящие — подарки партнёров и несколько томов, принесённых из дома: «Петербургские повести» Гоголя, «Преступление и наказание», томик Бродского. Но и их он давно не открывал. На столе — три монитора, подключённых к мощному системному блоку, и ноутбук для выездных совещаний. Но главное украшение кабинета — живое растение в горшке, фикус Бенджамина, за которым ухаживала уборщица тётя Зина. Фикус был единственным существом в этом офисе, к которому Берг испытывал что-то похожее на нежность. Он разговаривал с ним по утрам. — Ну что, Бенджамин, как спалось? — спросил он, подойдя к горшку. — Опять листья опустил? Надо полить. На листе бумаги, придавленном горшком, он заметил записку: «Максим Аркадьевич, полила, удобрила. Не забудьте пообедать. В холодильнике есть суп и котлеты. С днём рождения Вас! Зинаида». Он аккуратно сложил записку и убрал в ящик стола, где уже хранились десятки подобных. Ни одна не была выброшена. «Вот, — подумал он с горькой усмешкой, — самый длительный роман в моей жизни — это переписка с уборщицей на тему ухода за фикусом». Он сел в своё кресло и первым делом открыл корпоративный мессенджер. Чат «Топ-менеджмент Неон» пестрел гифками с тортами и воздушными шариками. Финансовый директор Глеб Романович Штольц, молодой мужчина с вечно кислым лицом, написал: «Максим, с днюхой! Не болей, а то бюджет треснет». Коммерческий директор Марина Викторовна добавила: «Счастья в личной

жизни! Может, наконец, познакомишься с кем-нибудь?» И прикрепил смайлик с подмигиванием. Берг ответил общим «Спасибо, коллеги!» и быстро переключил вкладку. Ему было не до праздников. Вчера аналитический отдел прислал отчёт под названием «Индекс социальной вовлечённости персонала». Он открыл PDF и вгляделся в цифры. Они показывали, что сотрудники «Неона» ставят друг другу в рабочем чате в среднем три тысячи эмодзи-сердечек в день, но при этом в реальной столовой не разговаривают — каждый сидит, уткнувшись в планшет, и жуёт механически. В приложении был график: кривая «цифровых взаимодействий» ползла вверх, а кривая «неформального общения вживую» — неумолимо вниз. Психолог компании, дама с двумя высшими образованиями и сложной фамилией Лихтенштейн, написала в заключении: «Мы наблюдаем классический парадокс Берга (названный в честь нашего уважаемого руководителя, который впервые описал его в интервью Ведомостям три года назад): чем выше частота цифровых контактов, тем ниже уровень эмпатической связи. Сотрудники предпочитают отправить смайлик, чем подойти и спросить: Как у тебя дела? Это ведёт к росту скрытой депрессии, эмоциональному выгоранию и, как следствие, к снижению реальной производительности, несмотря на видимость постоянной занятости». Берг долго смотрел на свою фамилию в документе. Парадокс Берга. Звучит как название болезни. И он — первый пациент. Он создал систему, которая позволяет людям

оставаться на связи, не вступая в контакт, и теперь пожинает плоды — внутри этой системы он самый одинокий человек из всех.

Размышления прервал звонок интеркома. — Максим Аркадьевич, — раздался голос Татьяны Петровны, — к вам Анна Воронцова. Говорит, срочно. Не предупреждала заранее, но я знаю, что вы ей не отказываете. Сердце пропустило удар. Анна. Она никогда не приходила без предварительной записи. Что-то случилось. Он поправил галстук, хотя на нём была только рубашка с расстёгнутой верхней пуговицей — галстук он так и не надел, — и сказал в интерком: — Пусть войдёт. И, Татьяна Петровна, принесите нам чаю. Чёрного, без сахара. И печенье какое-нибудь, если есть. Он знал, что Анна пьёт только чёрный чай без сахара. Он помнил это уже пять лет.

Глава 2. Дверь в соседний мир

Анна Воронцова, директор по маркетингу, вошла в кабинет стремительно, как всегда. На ней был тёмно-синий брючный костюм, белая блузка и очки в тонкой золотой оправе. Она поправила их за дужку — привычный жест, который Берг знал наизусть и который каждый раз вызывал у него щемящее чувство, похожее на первые аккорды забытой мелодии. За ней остался шлейф лёгкого парфюма — что-то цитрусовое, свежее, но с горьковатой нотой, как если бы в апельсиновую цедру добавили каплю полыни. — Доброе утро, Максим Аркадьевич. С днём рождения, — сказала она

сдержанно и положила на стол перед ним конверт кремового цвета. Берг взял конверт в руки. Бумага была плотная, шершавая, пахла типографской краской и чем-то ещё — может быть, теми самыми духами, потому что Анна, по-видимому, носила приглашение в сумочке. Он медлил открывать. Знал, что там внутри. Знал уже месяц — с того самого декабрьского корпоратива, когда Анна на балконе ресторана «Мансарда» сказала: «Тебе никогда не кажется, Максим Аркадьевич, что мы все живём в чужом аккаунте? Что наши чувства — это просто удачно подобранные фильтры?» Тогда она ещё была одна. Тогда её глаза ещё задавали вопросы. А теперь. Он всё-таки разорвал конверт. Внутри — открытка с гербом Меншиковского дворца и каллиграфическая надпись: «Анна Воронцова и Егор Дёмин приглашают вас на торжество по случаю бракосочетания. Большой Меншиковский дворец. Ораниенбаум. 14 июня. Просьба подтвердить присутствие до 15 мая». — Поздравляю, — вымолвил он наконец, не поднимая глаз. — Егор Дёмин — это наш разработчик из отдела мобильных приложений, верно? Я помню его. Молодой, талантливый. — Да. Мы встречаемся уже полгода. Я не афишировала, сами понимаете, служебные отношения — это всегда сложно. Но теперь, когда мы решили пожениться, скрывать бессмысленно. Я написала заявление об уходе. — Что? — Берг вскинул голову. — Вы уходите из «Неона»? — Так будет правильно. Я не могу работать под началом человека, с которым — она запнулась, подби-

рая слово, — с которым у меня сложные личные отношения. И потом, Егор считает, что жена-начальница — это некомфортно для мужчины. Максим отложил конверт и встал из-за стола. Подошёл к окну. Внизу, по Московскому проспекту, ползли машины — бесконечный поток, похожий на строки кода, бегущие по экрану. Он чувствовал, как внутри что-то рушится — не карьера, не бизнес, а нечто более хрупкое, чему он никогда не давал названия. — Анна, — сказал он, не оборачиваясь, — мы работаем вместе пять лет. Вы пришли в «Неон» младшим менеджером по рекламе, когда у нас было всего сорок сотрудников и офис на Петроградке с протекающим потолком. Помните тот потолок? — Помню, — тихо ответила она. — Мы подставляли вёдра и смеялись. Вы тогда сказали: «Ничего, скоро у нас будет своё здание, и крыша не будет течь». И ведь сбылось. — Многое сбылось, Анна. Кроме самого главного. Я построил компанию, но так и не построил жизнь. А вы вы были единственным человеком в этом офисе, с кем я мог говорить не о дедлайнах. Он повернулся. Анна стояла посреди кабинета, прямая, напряжённая, сжимая в руках сумочку так, словно та была спасательным кругом. В её глазах стоял тот самый блеск, который Берг уже видел однажды — на корпоративе, когда она спросила про чужие аккаунты. Тогда он не ответил. Теперь — должен. — Максим Аркадьевич, — начала она, и голос её дрогнул, — можно задать вам личный вопрос? Не как начальнику, а как человеку. — Спрашивайте. — Вам никогда не бывает оди-

ноко? Вопрос ударил его под дых. Он ожидал разговора об увольнении, о документах, о сроках. Но не этого. Он молчал, и в этом молчании пронеслась вся их история — от первого собеседования до этого момента. — Одиноко? — переспросил он. — Анна, я генеральный директор крупной IT-корпорации. У меня две тысячи сто восемьдесят четыре друга в социальных сетях. Мой телефон вибрирует каждые три минуты. Моя почта забита письмами с пометкой «важно». Мой календарь расписан на полгода вперёд. Я не имею права на одиночество. И при этом я самый одинокий человек из всех, кого знаю. Одиночество — это когда ты окружён тысячами людей, но ни один из них не знает, как пахнет твой утренний кофе. Никто не знает, что ты разговариваешь с фикусом по имени Бенджамин и хранишь записки уборщицы, потому что это — единственные рукописные слова, которые тебе пишут. Никто не знает, что ты просыпаешься в три ночи и проверяешь телефон не потому, что ждёшь важного звонка, а потому, что надеешься увидеть сообщение от человека, который напишет: «Ты мне нужен». Не как директор, не как кошелёк, не как отец ребёнка, а просто как Максим. И никто не пишет. Никто. Потому что всем нужен аккаунт, а не я. Он замолчал. В комнате повисла тишина — такая глубокая, что было слышно, как капли дождя стучат по стеклу. Берг сам не ожидал от себя этого монолога. Он никогда никому такого не говорил — ни Лене, ни психотерапевту, которого посетил ровно дважды, потому что «это не для меня», ни даже фику-

су. Но Anne — сказал. Может быть, потому, что она уходила, и терять было нечего. А может, потому, что где-то в глубине души он надеялся: она услышит. Анна стояла, не шевелясь. По её щеке медленно сползла слеза — одна-единственная, круглая, как линза, сквозь которую мир становится чётче. — Почему же вы почему мы — она не договорила фразу, но он понял. — Потому что проще написать сообщение, чем взять за руку, — закончил он за неё. — Проще поставить смайлик, чем сказать: «Останься, пожалуйста». Проще сделать вид, что ничего нет, чем рискнуть и быть отвергнутым. Я трус, Анна. Я создал компанию, которая стоит полмиллиарда, но я не смог сказать женщине, которую люблю, простых слов. И сейчас уже поздно. — Поздно? — она шагнула к нему. — Максим, почему вы говорите «поздно»? Ведь поезда ходят по расписанию, вы же сами говорили. В жизни всегда можно что-то изменить, если решиться. — Вы уже пообещали Егору. — Да. Обещала. И я не могу его обмануть — я не такая. Но я стою здесь и спрашиваю вас об одиночестве, а не его. Потому что вы — единственный, кому я могу задать этот вопрос и знать, что получу честный ответ. Потому что вы знаете, о чём я говорю. Потому что мы с вами — два призрака в этом аквариуме, и мы узнали друг друга по глазам. Она подошла ещё ближе и положила ладонь на его руку — настоящую, тёплую ладонь, а не смайлик и не эмодзи. Это прикосновение обожгло его сильнее, чем любое уведомление. Он почувствовал, как по коже бегут мурашки, как

сердце начинает биться чаще, как весь его отлаженный, закодированный, оптимизированный мир летит куда-то в тартарары. — Максим, — прошептала она, — когда я спросила вас на том балконе про чужие аккаунты, я надеялась, что вы ответите: «Нет, Анна, я настоящий. И ты настоящая. Давай попробуем». Но вы промолчали. И я пошла танцевать с Егором, потому что Егор не молчит, Егор говорит много и легко. Только потом я поняла: он говорит всё, кроме того, что важно. А вы молчите о важном, и это ещё хуже. — Я знаю, — сказал он. — Я знаю, что я идиот. Но сейчас уже ничего не исправить. У вас свадьба через три недели, у меня — кризис среднего возраста и несчастная любовь, которую я сам же и погубил. Классический сюжет, только без хэппи-энда. В этот момент в дверь деликатно постучали, и вошла Татьяна Петровна с подносом: две чашки чёрного чая, сахарница, тарелка с печеньем. Она бросила быстрый взгляд на Анну, на Берга, на их руки — Анна отёрнула ладонь, но было поздно, — и, как опытная секретарша, сделала вид, что ничего не заметила. — Вот, как вы просили. Чай, печенье. Максим Аркадьевич, напоминаю, что в десять у вас совещание с акционерами по видеосвязи. Они подтвердили участие, все четверо. — Спасибо, Татьяна Петровна. Я помню. — И ещё, — она замялась, — курьер принёс посылку. От вашего сына. Поставить в приёмной? Берг вздрогнул. Олег. Сын, которого он в последний раз видел две недели назад, когда заезжал к Лене с конвертом денег на репетитора. Олег тогда

сидел в своей комнате и играл в какую-то онлайн-игру, и на приветствие отца ответил, не отрываясь от экрана: «Привет, пап, занеси деньги на стол». И всё. Ни объятий, ни разговора. Просто транзакция. — Поставьте у меня на столе, — сказал он. — Я сам открою. Татьяна Петровна вышла. Анна взяла чашку чая и села в кресло для посетителей — впервые за всё время разговора. — У вас сложные отношения с сыном? — спросила она. — У меня никаких отношений с сыном. Он живёт в своём мире, я — в своём. Мы общаемся через мессенджер. Он присылает мне GIF-открытки на праздники, я ему скидываю деньги на карманные расходы. Всё чётко, как в банковском приложении. — А вы пробовали с ним поговорить? По-настоящему? — Пробовал. Но ему двенадцать лет, Анна. Для него «поговорить по-настоящему» — это написать в чате «ок». Он не умеет иначе, он вырос в мире, где живое общение — архаизм, вроде кассетного плеера. И я не могу его винить, потому что я сам создал этот мир. Я сделал «Неон» компанией, которая зарабатывает на том, что люди общаются через экраны. Я — архитектор собственного одиночества. Анна поставила чашку на стол. — Вы знаете, Максим, я ведь в маркетинг пошла именно поэтому. Я филолог по первому образованию, защитила диплом по поэтике Бродского. И я думала: пойду в IT-компанию, чтобы понять, почему люди перестали разговаривать друг с другом. Понять изнутри. И поняла: они не перестали, они просто боятся. Боятся неловкости, отказа, боли. Цифровой мир даёт иллюзию

контроля: можно удалить сообщение, можно заблокировать контакт, можно переписать диалог набело. А жизнь — она не редактируется. И все боятся этого так, что предпочитают молчать. — «Жизнь — это то, что происходит, пока мы заняты составлением планов», — процитировал Берг Леннона. — Или, в нашем случае, пока мы заняты проверкой уведомлений. — Да, — улыбнулась она грустно. — Именно. Некоторое время они молчали. Это было хорошее молчание — не неловкое, а наполненное, как бывает между людьми, которые наконец сказали друг другу правду. Дождь за окном припустил сильнее, и Обводный канал стал похож на мутную ленту, по которой плыли листья. — Анна, — нарушил тишину Берг, — я приду на вашу свадьбу. И я буду желать вам счастья. Искренне. Но я хочу, чтобы вы знали: если когда-нибудь — неважно, через год, через десять лет, — если вы поймёте, что ваш брак — это ещё один аккаунт, который вы ведёте по расписанию, а не живёте позвоните мне. Не пишите — позвоните. Я хочу услышать ваш голос. — А вы? — спросила она. — Что будете делать вы? — Я попробую вернуть себя настоящего. Того, кто ещё не был генеральным директором «Неона», а был просто Максимом, который мечтал стать капитаном дальнего плавания. Не знаю, получится ли. Но я хотя бы попробую. Ради сына. Ради себя. Ради вас. — Ради меня? — переспросила она. — Да. Потому что если я не изменюсь, я никогда не смогу быть счастливым с кем бы то ни было. А я я хотел бы быть счастливым с вами. Он сказал это

так просто, без надрыва, без пафоса, что Анна на мгновение зажмурилась, словно от яркого света. Потом встала, поправила очки за дужку — уже привычно, но как-то особенно мягко — и направилась к двери. — Я подтверждаю присутствие, — сказал он ей в спину, кивая на конверт. — Я знаю, — ответила она, не оборачиваясь. — Вы всегда подтверждаете. В этом вся ваша беда — и всё ваше спасение. Дверь закрылась. Берг остался один.

Он взял со стола фотографию из кармана — ту самую, с пляжа в Зеленогорске, — поставил её перед монитором и долго смотрел на лица людей, которыми они были когда-то. Потом открыл ящик стола, достал записку тёти Зины, перечитал её и аккуратно положил поверх стопки таких же. В дверь снова постучали. Татьяна Петровна внесла небольшую картонную коробку, перевязанную бечёвкой. — От Олега, — сказала она и удалилась. Берг разрезал бечёвку канцелярским ножом. В коробке лежала модель парусника — маленькая, но искусно сделанная, с тремя мачтами, крошечными парусами и латунными пушками по бортам. И записка — написанная от руки, неровным детским почерком: «Папа, с днём рождения. Ты говорил, что в детстве мечтал о паруснике. Я нашёл набор в магазине моделей и собрал сам. Извини, что криво. Но это настоящий. Олег». Максим Аркадьевич Берг, генеральный директор IT-корпорации «Неон», держал в руках модель парусника и плакал. Плакал впервые за много лет — громко, навзрыд, не стесняясь. Потому что впервые

за много лет кто-то написал ему не смайлик. Кто-то написал: «Это настоящий».

Глава 3. Петля

Совещание с акционерами началось ровно в десять. Берг сидел перед большим монитором, на который были выведены четыре окошка видеосвязи — четыре лица, четыре набора требований, четыре оттенка нетерпения. Акционеры «Неона» были людьми разными: среди них были и бывший банкир с лицом бульдога, и наследник старой петербургской фамилии, вложивший в IT из соображений престижа, и пара венчурных фондов в лице молодых людей, которые говорили быстро и пересыпали речь англицизмами. Но объединяло их одно — они смотрели на Берга как на актив. Не как на человека, а как на функцию, которая должна приносить прибыль. — Максим Аркадьевич, — бульдожье лицо на экране принадлежало Григорию Абрамовичу Фридману, главному инвестору, — мы видим, что выручка за первый квартал ниже прогнозной на четыре процента. Объясните. Берг откашлялся. Перед ним на столе стояла модель парусника, подаренная Олегом. Она стояла прямо перед клавиатурой, и её крошечные паруса чуть колыхались от движения воздуха из вентиляции. Максим заставил себя не смотреть на неё и сосредоточиться на цифрах. — Григорий Абрамович, четыре процента — это плановая корректировка, связанная с задержкой релиза «Эмпатии». Мы перенесли запуск на июнь, чтобы доработать алгоритмы. Вы знаете, что мы ставим на

этот продукт большие надежды. — Мы ставим большие надежды, — подхватил молодой человек из венчурного фонда, чьё имя Берг вечно забывал, потому что оно менялось каждый квартал вместе с менеджерами. — Но инвесторы на рынке нервничают. Наш конкурент, «СофтМост», уже запустил свою версию эмоционального AI. Вы читали их пресс-релиз? — Читал. Их продукт распознаёт пять базовых эмоций по голосу. Наш — одиннадцать по тексту, голосу и видео одновременно. Мы не гонимся за скоростью, мы гонимся за качеством. — Качество — это прекрасно, — вставил наследник старинной фамилии, Всеволод Андреевич Шеремет, — но рынок ждать не будет. И потом, меня лично беспокоит другое. Я тут на днях зашёл в ваш офис — без предупреждения, простите, — и увидел странную картину. Сотрудники сидят в столовой и не разговаривают. Все уткнулись в телефоны. Максим Аркадьевич, это нормально? Это та самая корпоративная культура, о которой вы нам докладывали? Берг сжал зубы. Он знал, что Шеремет иногда наведывается в офис под видом «просто посмотреть». Но сейчас этот вопрос прозвучал как пощёчина. — Всеволод Андреевич, я не могу комментировать частный случай. У нас приняты стандартные для IT-сферы практики. Сотрудники общаются в корпоративном мессенджере, это позволяет вести документированный учёт решений и экономит время. — Экономит время? — переспросил Фридман. — А мне мой внук говорит: «Дед, если ты хочешь, чтобы с тобой погово-

рили, напиши в чат, потому что на звонок никто не ответит». И он работает у вас, между прочим. Младшим разработчиком. Так вот, он говорит, что за полгода вы, генеральный директор, ни разу не заговорили с ним вживую. Это нормально? Максим почувствовал, как краска приливает к щекам. Он вспомнил рыжеволосого Артёма из лифта, который явно не знал, куда деваться от неловкости. И внук Фридмана — кто он? Как его зовут? Он не знал. — Я учту ваше замечание, Григорий Абрамович, — сказал он ровным голосом, каким говорят на совещаниях, когда хочется кричать. — И обещаю лично провести встречу с младшими сотрудниками. Теперь по повестке — давайте вернёмся к бюджету на второй квартал. Они обсуждали бюджет ещё сорок минут. Когда совещание закончилось и экран погас,

Берг откинулся в кресле и закрыл глаза. Перед внутренним взором стояла картина: сотни людей в столовой, каждый со своим планшетом, и он сам — сидящий где-то над ними, в стеклянном кабинете, невидимый и ненужный. «Я — призрак в собственном аквариуме», — подумал он и невесело усмехнулся. Каламбур вышел случайным, но точным. Он потянулся к телефону, чтобы проверить уведомления, и замер на полпути. Вспомнил слова Анны: «Жизнь — это то, что происходит, пока мы заняты проверкой уведомлений». Опустил руку. Взял модель парусника, покрутил в пальцах. Мачты были приклеены чуть криво — видно, что собирал ребёнок, а не профессионал. Но именно эта кривизна дела-

ла модель бесценной. Он представил, как Олег сидит вечерами в своей комнате, склонившись над крошечными деталями, как пахнет клей, как он ругается шёпотом, если что-то не получается, как радуется, когда мачта наконец встанет на место. «Он всё-таки услышал меня, — подумал Максим. — Когда-то я сказал ему про парусники — он запомнил. Значит, он слушает. Значит, ещё не всё потеряно». В этот момент в кабинет без стука вошёл Глеб Романович Штольц, финансовый директор, — грузный мужчина лет шестидесяти с неизменным кислым выражением лица, которое казалось приклеенным, как маска. — Максим, я слышал, акционеры были недовольны, — начал он с порога. — Выручка просела, а ты тут чай гоняешь с Воронцовой. Я понимаю, она красивая женщина, но у тебя компания, а не клуб знакомств. Берг медленно повернулся в кресле. — Глеб Романович, я ценю вашу прямоту, но давайте оставим личные дела за скобками. У вас есть что сказать по существу? — По существу — да. «Эмпатия» съедает бюджет как не в себя. Мы вложили в неё уже почти двести миллионов, а продукт до сих пор не готов. Я не говорю, что проект надо закрывать, но, может, пора нанять нового руководителя разработки? Тот, что сейчас, явно не справляется. — Руководитель разработки — это я, Глеб Романович. Я курирую проект лично. Если вы считаете, что я не справляюсь, поставьте вопрос на совете директоров. Штольц побагровел и что-то забормотал о «неправильно понял» и «не имел в виду». Максим смотрел

на него и думал: «Ещё один человек, который видит перед собой не меня, а мою должность. Он разговаривает не с Максимом, он разговаривает с генеральным, который должен решить его финансовые проблемы. И если я завтра уйду, он будет так же разговаривать с моим преемником. Я взаимозаменяем. Я — функция». Он вдруг остро, до физической тошноты, ощутил всю бессмысленность происходящего. Он сидит в дорогом кресле, в дорогом костюме, в дорогом офисе, обсуждает сотни миллионов — а внутри пустота, которая не заполняется ничем. Деньги? Они есть. Статус? Пожалуйста. Власть? Три тысячи сотрудников каждое утро ждут его решений. Но зачем всё это, если рядом нет никого, кому ты нужен просто так? Если твой сын общается с тобой через GIF-открытки, а женщина, которую ты любишь, выходит замуж за другого? — Глеб Романович, — перебил он финансиста, — скажите, а у вас есть дети? Вопрос застал Штольца врасплох. — Э-э да. Сын, дочь. Взрослые уже. — Вы с ними часто видите? — Ну, как в соцсетях переписываемся, на праздники созваниваемся. А что? — Ничего. Просто интересно. Спасибо, что зашли. Я рассмотрю ваши предложения по бюджету. Штолец вышел, оставив после себя запах дорогого одеколona и смутное ощущение неловкости.

Берг остался один. Он взял телефон, открыл чат с Олегом и написал: «Сын, спасибо за парусник. Это лучший подарок в моей жизни. Я хочу приехать к тебе сегодня вечером. Просто так, без денег. Можно?» Через минуту пришёл

ответ: «Ок, пап. Мама в семь уходит на йогу, так что можем поиграть в приставку». «Ок» — это не «да», не «конечно», не «я скучал». Но это лучше, чем ничего. Берг отложил телефон и подошёл к фикусу. — Бенджамин, — сказал он растению, — кажется, у меня сегодня будет разговор с сыном. Настоящий. Если, конечно, я не струшу. Он заметил, что земля в горшке сухая. Тётя Зина, видимо, сегодня ещё не заходила. Он взял лейку, стоявшую в углу, и аккуратно полил. Это простое действие — вода, земля, зелёные листья — вдруг показалось ему самым осмысленным за весь день. Затем он сел за стол и открыл почту. Среди десятков писем с пометками «важно» и «срочно» он заметил одно, озаглавленное странно: «Ты не один». Адрес отправителя был ему незнаком. Максим помедлил, борясь с желанием немедленно удалить подозрительное сообщение. Но любопытство взяло верх. Он открыл письмо. «Максим, ты меня не знаешь. Точнее, знаешь, но не помнишь. Меня зовут Даша. Я пишу тебе с адреса, которого нет в базах. Ты умный, ты поймёшь. Мы встретимся там, где вода. Приходи один. Сегодня в полночь. Набережная Смоленки, старый спуск». Письмо было без подписи, без ссылок, без требование перевести деньги или перейти по ссылке. Оно было странным, как записка, найденная в пустой квартире. Берг перечитал его трижды. «Там, где вода». Что это значит? Откуда у этой Даши его личный адрес? Почему она пишет так, будто они знакомы? Он проверил заголовки письма — да, оно пришло с како-

го-то подозрительного сервера, но обратный адрес был составлен так, что не оставлял следов. Берг как IT-специалист понимал: отправитель либо использовал анонимайзер, либо очень хорошо знал, что делает. Внутри боролись два чувства: профессиональная осторожность и то самое, что заставило его сегодня говорить с Анной без масок. Он вспомнил, как сегодня признался в одиночестве, как плакал над моделью парусника, как сказал Анне: «Я хочу быть счастлив с вами». Что-то в нём менялось — медленно, но неумолимо. Он не удалил письмо. Он нажал «Сохранить» и закрыл почтовый клиент.

До конца рабочего дня оставалось ещё несколько часов, но Берг чувствовал: сегодняшней день уже переполнен событиями. Его ждали: вечером — сын, ночью — непонятная встреча с незнакомкой, которая знает его имя. А где-то за горизонтом маячила свадьба Анны, на которую он обещал прийти. Он встал, надел пиджак и вышел из кабинета. — Татьяна Петровна, я уезжаю пораньше, — бросил он секретарше. — Но у вас ещё встреча с HR в три — Перенесите. Скажите, что у меня важные семейные дела. Татьяна Петровна удивлённо подняла брови, но ничего не сказала. За десять лет работы Максим Аркадьевич впервые отменил встречу ради «семейных дел». Берг спустился в лифте, прошёл мимо ресепшена (Паша снова вскочил, но Максим только махнул ему рукой) и вышел на улицу. Дождь кончился, и над Московским проспектом висело робкое майское солнце, по-

хожее на размытое пятно акварели. Воздух пах мокрым асфальтом и чем-то сладким — кажется, зацвели липы. Он сел в «Мерседес» и, вместо того чтобы ехать на Крестовский, повернул на Васильевский остров, в сторону квартиры, где жили Лена и Олег.

Глава 4. Васильевский вечер

Квартира, где теперь жили Лена и Олег, находилась на Васильевском острове, в старом доме с облупившимся фасадом и парадной, пахнущей сыростью и кошками. Когда-то, ещё в начале их брака, они втроём въехали сюда, полные надежд: Берг только запускал «Неон», денег было в обрез, но эта квартира, доставшаяся Лене в наследство от бабушки, казалась им временным пристанищем — «вот раскрутимся и переедем». Раскрутились. Переехали — на Крестовский. А Лена с Олегом, когда случился развод, вернулись обратно. Она сказала: «Здесь мне спокойнее. Здесь стены помнят нас настоящих». Максим тогда не стал спорить. Он вообще редко спорил с Леной — ему было проще согласиться и перевести деньги. Он припарковался у подъезда и заглушил мотор. Несколько минут сидел, глядя на знакомые до боли окна — на четвёртом этаже, с неизменной геранью на подоконнике, которую Лена выращивала с каким-то маниакальным упорством. Герань цвела, несмотря ни на что. Может, и Лена цвела по-своему — без него. Он набрал код на домофоне. Раздался треск, потом голос бывшей жены: — Кто? — Это я. Пауза. Потом — щелчок замка. Лена не спросила «за-

чем», не сказала «проходи». Просто открыла. Берг поднялся по лестнице, чувствуя себя школьником, которого вызвали к директору. У двери стояла Лена — в домашнем спортивном костюме, с собранными в небрежный пучок волосами. Она похудела с тех пор, как они расстались, и от этого её лицо стало острее, глаза — больше. Она смотрела на него без враждебности, но и без радости. — Привет, Максим. Ты написал Олегу, что приедешь. Он ждёт. — Привет, Лен. Я могу войти? — Конечно. Это твой дом тоже, — она посторонилась. — Формально — нет, но по сути — да. Квартира почти не изменилась. Тот же книжный шкаф со старыми томами, который они вместе покупали на «Уделке». Тот же диван, на котором они когда-то смотрели советские фильмы по воскресеньям. Тот же запах — смесь корицы, старого дерева и ещё чего-то неуловимого, что Берг всегда ассоциировал с покоем.

Когда-то он возвращался сюда с работы и чувствовал: вот оно, убежище. Потом работа стала занимать всё больше места, а убежище — всё меньше, пока не исчезло совсем. — Чаю? — спросила Лена. — Если можно. Она прошла на кухню, и он пошёл за ней. Кухня была крошечная, в четыре квадратных метра, и когда-то они всё время натыкались друг на друга локтями и смеялись. Теперь это казалось воспоминанием из чужой жизни. Лена включила чайник и повернулась к нему. — Олег целую неделю собирал этот парусник, — сказала она без предисловий. — Я предлагала купить го-

товый, но он сказал: «Нет, папа говорил, что в детстве мечтал о паруснике, который сделал бы своими руками. Но ему не разрешали, говорили, что это ерунда. Я сделаю». Он восемь вечеров сидел и клеил. У него не получалось, он плакал, но продолжал. Берг молчал. Перед его внутренним взором снова встала та сцена из детства: ему двенадцать лет, он приносит домой чертёж парусника, нарисованный на уроке труда, и показывает отцу. Отец, уставший после смены на заводе, бросает взгляд и говорит: «Максим, это ерунда. Море — романтика, а романтика не кормит. Иди лучше математикой занимайся». Чертёж летит в мусорное ведро. Маленький Максим молча кивает и идёт в свою комнату. Он не спорит — он никогда не спорит с отцом. И с тех пор он больше не рисует парусников. — Почему ты мне это рассказываешь? — спросил он Лену. — Потому что ты должен знать: твой сын любит тебя. Несмотря на то, что ты видишь его раз в две недели и общаешься в основном через смайлики. Он любит тебя настолько, что готов потратить восемь вечеров, чтобы сделать тебе подарок, о котором ты упомянул однажды и мимоходом. Ты понимаешь, какая это ответственность? — Понимаю, — тихо ответил он. — Ничего ты не понимаешь, Максим. Ты хороший человек, но ты живёшь в каком-то своём мире. У тебя там серверы, проекты, акционеры, Воронцова твоя — она запнулась на этом имени и отвернулась к чайнику. — Что — Воронцова? — насторожился Берг. — Ничего. Просто я не слепая. Я видела, как ты на неё смотришь

на корпоративных фотографиях. И я видела, как она смотрит на тебя. Ты думаешь, я дура? Я семь лет с тобой прожила и знаю каждое твоё выражение лица. Когда ты рядом с ней, у тебя глаза становятся другими. Такими, какими они были, когда мы только познакомились. А на меня ты так уже не смотришь. Давно. Она разлила кипяток по чашкам — аккуратно, методично, как делала всё в жизни. Протянула ему чашку — с тем самым рисунком «под гжель», который они купили в их первую совместную поездку в Суздаль. — Лена, — начал он, — я никогда не изменял тебе. Ни с Анной, ни с кем-то ещё. Это правда. — Я знаю, — кивнула она. — Ты бы не смог. Ты для этого слишком правильный. Но ты изменял мне по-другому: ты уходил в работу, в проекты, в свой внутренний мир, куда мне не было доступа. Ты разговаривал со мной через календарь: «Лена, у нас с тобой окно с восемнадцати до девятнадцати, давай поужинаем». Ты не замечал, что я плачу по ночам, пока ты сидишь за ноутбуком. Ты не спросил меня ни разу, о чём я думаю, чего боюсь, о чём мечтаю. Ты просто решил, что если мы в браке, значит, всё хорошо. А брак — это не статус в фейсбуке, Максим. Это живое. — Я знаю, — повторил он. — Я всё это знаю теперь. А тогда — не знал. — А теперь — что? Теперь ты проснулся и решил стать хорошим отцом? Поздновато, тебе не кажется? Олегу двенадцать, и он уже привык к тому, что папа — это функция, а не человек. — Он мне парусник подарил. — Да, подарил. Потому что он ещё верит в чудеса. Но вера конча-

ется, Максим. Она кончается быстрее, чем детство. Они замолчали. Чай остывал в чашках. За окном густели майские сумерки, и в окне напротив зажётся чей-то телевизор — голубоватый отсвет затанцевал по стене. — Я хочу попробовать, — сказал Берг наконец. — Я хочу попробовать вернуть его. — Попробуй, — ответила Лена без особой надежды в голосе. — Только не опоздай. Он ждёт тебя в своей комнате. Берг допил чай и пошёл по коридору к комнате сына. Дверь была приоткрыта. Он постучал. — Войдите, — раздался голос Олега, какой-то слишком взрослый для двенадцати лет. Олег сидел на кровати с джойстиком в руках. На экране телевизора замерла гоночная трасса — яркая, кислотных цветов. Мальчик был худой, угловатый, с такими же серыми глазами, как у отца, и такими же тёмными волосами, как у матери. Он носил очки — те самые, что ему прописали в прошлом году, и которые Берг оплатил, даже не поинтересовавшись, как они сидят. — Привет, пап, — сказал Олег, не отрываясь от экрана. — Садись. Я тут новый уровень не могу пройти. Может, поможешь? Берг сел на краешек кровати. В комнате пахло пластиком, чипсами и чем-то ещё — детством. На стене висели постеры с космическими кораблями и карта звёздного неба. На столе — разбросанные запчасти от конструктора и книга «Астрономия для детей».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.